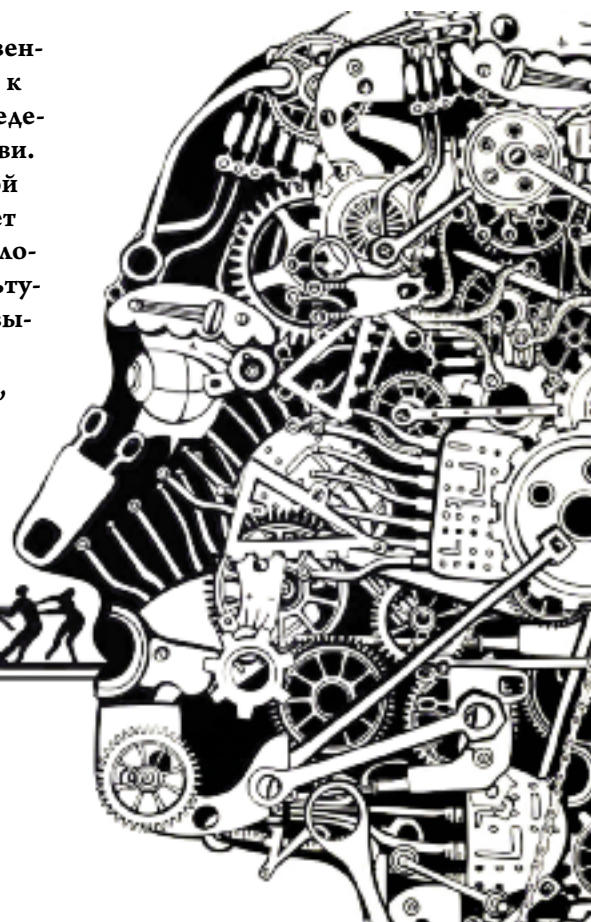

Подлинной коммуникации свойственна доброжелательная готовность к общению ради формирования определенного отношения к своему визави. А им может быть не только живой современник. Таким визави будет смысловое содержание, ранее воплощенное в каждом достижении культуры – в живописи, в музыке и в музыкальном исполнительстве, в архитектуре, в актерской игре, в танце, в литературе и в звучащем человеческом слове

КОММУНИКАЦИЯ И ИНФОРМАЦИЯ – антропологическая диалектика начала XXI века

В наши дни, когда многие ключевые слова попадают в некий труднообъяснимый, но вместе с тем очевидно доминирующий дискурсивный тренд, с ними происходит нечто непредсказуемое. Они утрачивают свои изначальные и, собственно, единственно точные смысловые значения и начинают описывать нечто другое. Это другое быстро узаконивается как их единственно возможное и непрерываемо общепринятое толкование. Именно такую злую шутку сыграла наша информационная – или теперь уже постинформационная – реальность с понятием «коммуникация». Сейчас оно характеризует практически любой контакт и более того – контакт скользкий, прикладной, особо не нагруженный ни чувствами, ни эмоциями.

Виктор Михайлович Немчинов – директор Музея исторического сознания, руководитель международной исследовательско-образовательной платформы «Диаверситет», старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат экономических наук

Формальный подход заметен и в постмодернистских теориях, где основные термины «отправитель» и «получатель» выхолащивают как смысл диалога, так и личностное содержание коммуникации. Между тем было бы интересно поразмышлять над этим важным словом, над его исконными значениями, а то и дерзновенно попытаться вернуть ему некоторые из его подзабытых лексических коннотаций.

Сразу необходимо со всей определенностью подчеркнуть, что коммуникация никоим образом не сводится к всего лишь контакту, не исчерпывается им. Перед нами не просто активированная обратная связь – сигнал-реакция. Это и не обезличенный поверхностный акт некоего взаимного обмена, который нам зачастую кажется информацией, а на деле представляет собой ритуал. Ча-

стично в нашей жизни и в животном мире – там, где важен хищнический принцип выживания сильнейшего, – действительно активно работают сигналы нападения или агрессии, чаще всего символической, для защиты своей территории, равно как и для посягательства на новое место под солнцем. Угрожающие позы, игра мускулами, все формы маскировки и обмана давно входят в лексикон с детства знакомых фольклорных персонажей. Но это примитивный ритуальный язык жестов и угроз глубочайшей архаики. Культура человеческого общежития как в отдельной семье, так и на общем планетарном уровне предписывает совсем другое – необходимость прогнозировать свое поведение так, чтобы уметь избежать любого подобного агрессивного контакта, не обманывая самих себя, что это, возможно, будет коммуникация. Ее точно не будет.

К счастью, существует противоположный принцип – принцип

возможность подлинной коммуникации, которой свойственна доброжелательная готовность к общению ради формирования определенного отношения к своему визави. А им, кстати, может быть не только твой живой современник. Таким визави будет смысловое содержание, ранее воплощенное в каждом достижении культуры – в живописи, в музыке и в музыкальном исполнительстве, в архитектуре, в актерской игре, в танце, в литературе и в звучащем че-

ция. То есть процесс нахождения из синкретических отдельных смысловых фрагментов диалога какой-то общей привязки всего, что позволяет отнести стороны, вошедшие в коммуникацию, к общему культурному пространству – пусть хотя бы и казуальному, случайному, временному. Если эстетическое, эмоционально-интеллектуальное сцепление происходит, то у каждого из собеседников включается свой внутренний ментальный диалог. Значит, и по за-

Культурное процветание становится возможным тогда, когда в результате изнуряющего противостояния ослабевают принуждающие силы церкви и государства. Живоносные родники культуры проистекают из глубинных вибраций человеческой души, и эта одухотворенная информация перестает быть личным и преходящим и становится «символически выразительным и бессмертным»

Тинторетто. Коронация Девы Марии, или Рай. 1579–1582 годы

солидарности и сопереживания, как выяснилось современными специалистами, широко распространенный в животном мире нашей планеты. Действует он в форме диалога и в цивилизованном человеческом сообществе, не признающем границ для проявления человечности, присущей духовно наполненной личности. Именно на этом уровне и возникает воз-

ловеческом слове. Однако активная готовность нашего восприятия выражает лишь начальный – оболочечный – уровень общения.

Для коммуникации обязательно соосмысление, проникновение, погружение на более глубокий уровень. Здесь возникает то, что можно обозначить как культурную контекстуализацию того, с кем выстраивается коммуника-

вершении встречи коммуникация не обрывается, а продолжает «звучать», обогащается приращением цепочек качественной сложности. В результате происходит постепенное осмысление, а иногда вспыхивает столь нечастое в наше время озарение. Во всех случаях целью коммуникации является то, что древние эллины обозначали словом «метанойя», ➔

→ а мы по аналогии определяем цель человеческой коммуникации – возрастание личности. Происходящее при этом расширение поля культурности есть, пожалуй, единственное надежное средство отхода от вечно грозящего современному социуму нового впадения в дикость.

Следующий принципиальный вопрос, который здесь надо прояснить, – это сложный и неоднозначный характер взаимоотношений коммуникации и информации. С одной стороны, казалось бы, если воспринимать коммуникацию как нечто большее, нежели элементарный информационный обмен между теми, кто контактирует друг с другом, то оба этих по-

Подлинной коммуникация становится лишь тогда, когда она оказывается взаимно интересной, требующей нетрафаретных усилий от всех ее участников. Именно такую коммуникацию я называю диалогом. Находящиеся в подобной коммуникации становятся не просто потребителями эмоций, ощущений, красиво упакованной медийной продукции, но в подлинном смысле слова творцами самих себя. То есть настоящая, а не имитационная коммуникация всегда в чем-то демиургична

нятия можно было бы воспринимать в противопоставлении или хотя бы допустить возможность крайних случаев, когда там, где присутствует коммуникация, нет голого информационного обмена – и, соответственно, наоборот. Но с другой стороны, и информацию нельзя воспринимать чересчур уж механистически – как всё более интенсивный взаимный обмен кило-, мега-, терабайтами данных. Тем более что такая чистая, дистиллированная, автоматически снимаемая и накапливаемая информация хотя и собирается, но в принципе уже не может

быть существенной для непосредственного осознания. Она механически просеивается, автоматически сортируется и обрабатывается в режиме онлайн-мониторинга. Можно спорить о том, было ли такое вообще когда-либо прежде. В наш медийный, пронизанный высокотехнологическими манипуляциями век любое облако гигантских накопленных комплексов байтов может жить, как нам кажется, вечно, но исключительно при бесперебойном наличии электричества. Без него всё оцифрованное культурное наследие в принципе исчезнет и потому, по сути, не может претендовать на статус данных, а тем более информации, которая по определению должна быть возрастающей и, главное, неуничтожаемой. Сегодня таких гарантий никто дать не может, и это повышает потенциальную ценность многих других хорошо зарекомендовавших своей долговечностью культурных носителей информации

В прочно захватившем нас высокотехнологичном мире онлайн этот самый онлайн используется не для держания руки на информационном пульсе сложной и многоцветной картины мира, а напротив – для получения некоего суррогата, позволяющего уютно закукливаться в своем персональном одиноком мирке и надежно защищаться от какой бы то ни было реальной, подлинной информации

начиная с «терпеливой» бумаги и кончая передаваемым из поколения в поколение устным сказительством.

Как показал на примере итальянского Ренессанса Якоб Буркхардт: культурное процветание становится возможным тогда, когда в результате изнуряющего противостояния ослабевают принуждающие силы церкви и государства. Живоносные родники культуры приистекают из глубинных

вибраций человеческой души, и эта одухотворенная информация перестает быть личным и преходящим и становится «символически выразительным и бессмертным», в чем можно было недавно еще раз лично убедиться при посещении выставочного проекта «Венеция Ренессанса. Тициан, Тинторетто, Веронезе». В этом смысле становится понятно, почему оказывается полезной, ценной и оберегаемой лишь эмоционально окра- ➔

→ шенная информация. Она тяготеет к идеалу второго – культурного – творения, которое, освобождаясь от индивидуальной временности, обладает «мирским бессмертием и становится языком для всех наций».

Поэтому живя в эпоху преобладающей культуры потребительства, мы постоянно вынуждены сталкиваться с огромным потоком подмен, с морем всевозможных информационных симулякров начиная с бесконечной череды новостных лент и кончая непрерывными пульсациями вездесущей назойливой рекламы. Всевозрастающее личное потребление – неустраняемая черта современной цивилизации. Мы не можем избежать ее информационного фона (разве что бегством к уединению на природе, но и тут мы не остаемся вполне самодостаточными). Этот бушующий информационный фон нужен человеку, пока он повседневно живет в социуме, для уточнения правильности формируемой каждодневно индивидуальной картины мира. Но фон этот оказывается «генно-модифицированным». Информация, обработанная пиаром, будет мимикрировать под эмоционально окрашенный и содержательно декорированный сложными смысловыми оттенками фон коммуникации. Где тут заканчивается замаскированная таким образом информация и где начинается реальная коммуникация, понять чрезвычайно трудно. Подчас совсем даже невозможно. Еще более сложно разобраться непосредственно с самой свежей информацией: где заканчивается просто новостной шум, и где начинаются сведения действительно серьезные, осмысленные, насущно необходимые? Один из рецептов был предложен Михаилом Жванецким, который

В мгновения интенсивного общения участники разговора становятся чем-то похожими на переводчиков-синхронистов. Ведь синхронный перевод – это умение в каждое неуловимое мгновение просканировать собеседника, которого надо коммуникативно вобрать в себя, войти в привычный для него язык, прочувствовать его внутренний мир, глубоко понять смысл и содержание его сообщения, тут же оформить это понимание на своем языке – и при этом не упустить, что уже было тобой сказано ранее в переводе.

предлагал читать газеты и просматривать сетевые ленты, как минимум, трехдневной давности для того, чтобы задним числом легко отделять содержательную информацию от привязанной к неинформации одуряющей эмоциональной экзальтированности. Действительно, так проще отделять

информационные зерна от информационных плевел. Однако и с социальными шумами не всё так просто и однозначно. За них человеческое сознание принимает не только мультимедийную трескотню, но и вообще любые данные, которые оно неспособно дифференцированно в себя воб-

рять – из-за неподготовленности, из-за усталости или отвлечения на какие-то другие параллельно уводящие в сторону темы. Наше повседневное сознание в этом состоянии работает вполнакала, в энергосберегающем режиме, и тогда мы живем, как бы не ощущая своей жизни. Когда проходящие через наши органы чувств данные не оприходованы сознанием, они воспринимаются только как шум, а в информацию они начинают превращаться лишь тогда, когда мы наделяем их смыслами.

Пожалуй, наиболее очевидный индикатор настоящей коммуникации, предполагающей заинтересованный диалог на языке серьезной культуры, – это насыщенный характер ее протекания. Насыщенный – значит скорее сложный, чем простой или примитивный. Сложный не потому, что трудный, а в том смысле, что для осуществ-

ления коммуникации необходимо задействовать весь свой ранее накопленный опыт. Приходится активизировать работу сознания, прилагать некие – подчас даже немалые – эмоциональные усилия, требующиеся для подъема общения на определенный интеллектуальный уровень. Иными словами, подлинная коммуникация становится лишь тогда, когда она оказывается взаимно интересной, требующей нетрафаретных усилий от всех ее участников. Именно такую коммуникацию я называю диалогом. Находящиеся в подобной коммуникации становятся не просто потребителями эмоций, ощущений, красиво упакованной медийной продукции, но в подлинном смысле слова творцами самих себя. То есть настоящая, а не имитационная коммуникация всегда в чем-то демиургична. Именно демиургична, а не креативна, поскольку креативность работает на низких частотах формулирования потребительских потребностей, а демиургичность непременно подразумевает необходимость сотворения в общении чего-то качественно нового, никогда прежде не бывшего.

Правомерно поставить вопрос: что интересует участников коммуникации, что вообще такое для них интерес, в чем он состоит? Для ответа на этот вопрос разберемся сначала с тем, чем заинтересовывает, чем нас «цепляет» предложенный в данной статье антипод коммуникации – информация. Рискнем сделать парадоксальное, на первый взгляд, утверждение: в пространстве информации, в том ценностном мире, который креативно тиражируется нынешней мультимедийной реальностью и ее производителями, потребитель озабочен вовсе не приобретением чего-то нового, неизведанного. Он вовсе не этого хочет – а ищет он неким чуть ли не тактильным, циклически повторяющимся, полусознательным опознанием привычных для себя маркеров его персонального пространства для подтверждения реальности собственного существования. Проснулся – и пробежался по знакомым информационным сайтам с четко оформленной на подсознатель-

ном уровне заявкой на определенного рода комплексное «меню». «Блюда» этого меню всегда одни и те же – разнятся лишь «приправы», «вкусовые оттенки», «подсластители», «подкислители»: именно эти психологические «пищевые добавки» и создают впечатление искомого жизненного разнообразия. А само «меню» обычно всегда стандартное – несколько зарубежных ужасов, столько-то скандалов, столько-то сетований на тему «снова вернут», столько-то катастроф, столько-то спорта, курортной информации и непременно ожидаемой каверзы от погоды в ряду прочей информационной обыденности. И не дай бог каких-то непривычных локальных новостей: адреналина-то они, конечно, придадут, но вот из повседневной потребительской колеи вышибут гарантированно. То же самое и с перескакиванием с помощью телевизионного пульта с канала на канал, и с уже привычным сидением в соцсетях – с кем-то лениво переброситься, кому-то лайкнуть, кого-то с негодованием пнуть. Причем всегда примерно в одной и той же последовательности. Вот он – прочно захвативший нас высокотехнологичный мир онлайн, где этот самый онлайн используется не для держания руки на информационном пульсе сложной и многоцветной картины мира, а напротив – для получения некоего суррогата, позволяющего уютно закукливаться в своем персональном одиноком мирке и надежно защищаться от какой бы то ни было реальной, подлинной информации.

А при коммуникации всё происходит как раз наоборот. Участники коммуникации стремятся к подлинному знанию друг о друге и об окружающем их мире. Они могут быть не в теме той информационной «нарезки», из которой состоит ежедневное «меню» потребителей медийной продукции, они могут даже не знать каких-то банальностей, хорошо известных обитателям мира СМИ и социальных медиа, но это вовсе не мешает им получать то существенно важное знание, какое их действительно волнует. Потому что интерес для них – это интерес →

→ настоящий, предполагающий взаимно обогащающее узнавание нового. Узнавание через бескорыстное любопытство к личности другого – твоего собеседника. Интерес же довольствующихся медийной повесткой в основе своей является желанием в принципе избежать возникновения любого действительного общения, способного ненароком спутать карты в легко опознаваемом и создающем комфортное жизненное пространство новостном круговороте.

личества цифровых сигналов, которые окружают каждого пользователя на протяжении всего времени его бодрствования. Иначе и быть не может, так как в противном случае никакая психика попросту не выдержит этой перманентной информационной «ковровой бомбардировки». Поэтому внимание, выключенное или функционирующее в режиме потребительской селекции с преднамеренно крайне зауженной пропускной способностью, – это нор-

чается внимание в обратном случае – когда уровень привычного информационного шума снижается. На этом основан известный эффект психического дискомфорта, испытываемый жителями мегаполисов, оказавшимися даже не в дикой природе, а просто в пространстве, свободном от шумов, в заметно менее напряженной ауре малых городов или небольших поселений. Время начинает течь по-иному, а привычный образ жизни вдруг оказывается

Плакат к фильму Этторе Сколы «Бал»

Коммуникация обязана в значительной степени быть невербальной, основываться на взглядах, паузах, совместном молчании, на взаимопонимании без слов. Этот невербальный язык играет в коммуникации исключительно важную роль. Но и информация вполне может транслироваться на таком же невербальном языке и при этом восприниматься предельно точно и адекватно

Следующая точка расхождения коммуникации и информации – это внимание. Психика современного медийного человека содержит в себе целую систему незримых информационных фильтров, позволяющих включать внимание лишь в исключительных случаях, а основное время пребывать в режиме рассеянного отслеживания того несметного ко-

ма для существования в сегодняшнем информационном пространстве. Фактически здесь всё сводится лишь к фильтрации и фиксации определенного уровня информационного шума – если этот уровень превышает, то степень внимания автоматически возрастает: «В чем дело? Что произошло?» Еще более стремительно и с гораздо большей тревогой вклю-

под сомнением.

Коммуникация же просто немислима без внимания, включенного на полную мощь. Разумеется, именно поэтому она не может быть постоянной или слишком продолжительной: обычные люди, не владеющие специальными навыками, приобретаемыми в результате либо особых тренировок, либо – как в конфессиональных системах – медитативных практик, неспособны удерживать предельное внимание на протяжении длительного времени. Но даже дозированная коммуникация производит на ее участников сильное впечатление именно из-за того, что вынуждает их выкладываться по полной, предельно концентрируясь друг на друге и на обсуждаемой теме, что позволяет человеку увидеть и самого себя со стороны. Именно на этом строится методика обучения диалогу в

Гностический змей. Миниатюра XV века

аналитической образовательной платформе «Диаверситет». В такие мгновения интенсивного общения участники разговора становятся чем-то похожими на переводчиков-синхронистов. Ведь что такое синхронный перевод? Это умение в каждое неуловимое мгновение просканировать собеседника, которого надо коммуникативно вобрать в себя, войти в привычный для него язык, прочувствовать его внутренний мир, глубоко понять смысл и содержание его сообщения, тут же оформить это понимание на своем языке – и при этом не упустить, что уже было тобой сказано ранее в переводе, пока производилась вся эта сложная кросс-культурная когнитивная операция. Довольно часто высококлассным синхронистам приходится помогать дооформить, правильно додумать или достроить ту мысль, которую недопроизносят или выражают в эмоционально неподготовленном или усеченном виде пере-

В пространстве информации ощущение времени практически стирается. Потребность в непрекращающемся информационном потреблении и подзарядке формирует в человеке представление о перманентности, устойчивости того мира, в котором он существует. Метафора гностического змея, пожирающего свой хвост, очень точно описывает это присущее медийному человеку свойство стремиться за пределы любых временных ограничений

водимые. Стоит ли поэтому говорить, насколько отточенным должно быть внимание у синхронистов и какое свечение покажет сканирование их нейронной активности, чтобы они могли моментально обеспечивать стопроцентно адекватное переложение чужой по культуре речи. Довольно непросто различать информацию и коммуникацию по критерию вербальности или не-

вербальности. Прежде всего потому, что наше мышление внутренне всегда вербально оформлено. То, что невербальной может быть значимая коммуникация, – наверное, очевидно и не нуждается в комментариях. И даже еще более определено: коммуникация должна, обязана в значительной степени быть именно невербальной, основываться на взглядах, паузах, совместном молчании, на →

→ взаимопонимании без слов. Этот невербальный язык играет в коммуникации исключительно важную роль. Но и информация вполне может транслироваться на таком же невербальном языке и при этом восприниматься предельно точно и адекватно. В качестве яркого примера можно привести гениальный фильм Этторе Сколы «Бал», в котором показывается история Франции XX века – с 1930-х и до 1980-х годов – исключительно языком танца и музыки. В фильме не произносится ни единого слова, но слова и не требуются – эмоционально всё понятно без них.

Однако эмоциональность способна оказываться и деструктивной, потому что в этом режиме путем целенаправленного воздействия на человека можно временно отключать или определенным образом перепрограммировать его личностную идентичность. Многие манипулятивные техники как раз нацелены на то, чтобы выключать режим личностного самосознания, но при этом оставлять включенным пространственно сфокусированное сознание. Достаточно предельно цельному, твердому, гениальному человеку или любой другой в совершенстве лично артикулированной индивидуальности оказаться

в толпе себе подобных, как маячки индивидуальности, с помощью которых человек воспроизводит собственную самость, начинают сбивать. На это обратил внимание в конце позапрошлого века Гюстав Лебон. Попадая в толпу, ты перестаешь быть индивидом, ты становишься частичкой толпы, «дивидом», и твое поведение начинает определяться логикой, вернее – инстинктом толпы. Об этом писал Серж Московичи в своей работе «Век толп». Управлять толпой гораздо легче именно на

невербальном уровне – точнее, на преимущественно невербальном с точечным включением вербальности (выверенных лозунгов-кричалок, мемов и прочих «мантр»). В этом смысле основной маркер стремления к жесткой манипуляции – это повышенное, нарочито экзальтированное внимание к самодостаточному инди-

виду в толпе. В быту такая агрессивная тактика известна под названием трамвайного хамства, и мы часто видим ее проявления на игровых стадионах во многих странах мира.

Также весьма затруднительно отграничивать друг от друга информацию и коммуникацию с позиции партисипативности, то есть

**Как только предельно цельный, твердый,
гениальный человек оказывается
в толпе, маячки индивидуальности,
с помощью которых человек воспроизводит
собственную самость, начинают сбивать.
Попадая в толпу, ты перестаешь быть
индивидом, ты становишься частичкой
толпы, «дивидом», и твое поведение
начинает определяться логикой, вернее –
инстинктом толпы**

личностной вовлеченности человека в тот или иной процесс. В каждом из нас есть нарабатанная способность к отторжению из поля сознания нежелательного ближнего социального пространства. Англичане с присущей им тонкостью называют эту поведенческую тактику игнорирования – «обратить внимание своим

слепым глазом». Но есть и противоположная практика человеческого сопереживания. Внутри каждого из нас заложена потребность расширять пространство своего бытия, умножать проявления собственного участия в жизни вокруг нас. Эта партисипативная практика является императивом нашего поведения, мы часто фокусируемся на ней. И потребление информации путем своего рода слайдинга от одного знакомого маркера к другому известному маркеру, и глубокое пережива-

ние коммуникации предполагают достаточно высокую степень партисипативности личности. Обе модели поведения отрабатываются вполне осознанно с той лишь только разницей, что адресная направленность партисипативности при коммуникации проявляется гораздо сильнее, чем при нахождении в пространстве информации. В последнем случае, как правило, имеет место как бы экспансия по принципу растекания воды, которая устремляется туда, где не встречает препятствий на своем пути.

А вот в чем информация и коммуникация однозначно отличаются друг от друга, так это в восприятии времени или вообще в отношении к нему, в способе существования во времени. В пространстве информации ощущение времени практически стирается. Личность воспроизводит – точнее, редуцирует – себя в режиме бесконечной повторяемости регулярной информационной подпитки: от Интернета к телевизору, от телевизора к соцсетям, от соцсетей к телефону, от телефона к Интернету – и так до бесконечности. Восприятие регулярных событий как начала или конца чего-то притупляется, а то и вовсе исчезает. Потребность в непрекращающемся потреблении и подзаряд-

ке подобного рода информацией формирует в человеке представление о перманентности, устойчивости того мира, в котором он существует. Отсюда, кстати, и такой мощный запрос современной медийной культуры на разного рода игровые практики – любая игра в той или иной степени основывается на отказе от коммуникации, на управляемой повторяемости действий и, тем самым, создает о них впечатление как о своего рода окнах во вневременное комфортное состояние. Метафора гно-

стического змея, пожирающего свой хвост, очень точно описывает это присущее медийному человеку свойство стремиться за пределы любых временных ограничений. Не потому ли в современной культуре с фантастическими достижениями науки и техники так органично и естественно сочетается мода на оккультное и сопровождающую его образность в виде хорроров, мерлинов, гарри поттеров и прочих стимуляторов спроса на занимательное иррациональное?

Коммуникация же подчеркнута дискретна, всегда локализована во времени, и это остро ощущают вовлеченные в нее люди. Именно осознание того, что яркое, насыщенное, осмысленное сопереживание непременно завершится, заставляет нас искать те или иные способы управления временем – точнее, не временем, а качеством его наполнения, которое сводится к предельно концентрированному и напряженному переживанию каждого мгновения того времяпрепровождения, которое хотелось бы содержательно продлить. Не будем путать это умение управлять временем с распространяющимся в потребительском мире стремлением контролировать остроту восприятия своего собственного бытового времени с помощью искусственно устраиваемых выбросов адреналина.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что ни в сегодняшнем насыщенном поле информационных знаков, ни в виртуальном пространстве, ни в видимом нами материальном мире не присутствует никакого самого по себе существующего смысла. Нет и никакой готовой действенной картины внешнего мира. Мы сами должны породить смысл и воспроизвести свою картину мира. Эта мучительно трудная работа по привнесению в жизнь смысла будет интересной и яркой в личностной коммуникации, в диалоге, который, хотя и не гарантирует легкодостижимого результата, но всякий раз реально помогает нам преобразовывать себя из самодовольного человеческого существа в ищущего жизненный смысл человека. ☐